

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЛИНГВИСТИКЕ
И СЕМИОТИКЕ

*Сборник статей к юбилею
Вяч. Вс. Иванова*

Ответственный редактор
Т. М. Николаева

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2010

УДК 811
ББК 81.2
И 85

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ)
проект № 10-05-07009

Р е д к о л л е г и я :

Т. М. Николаева (ответственный редактор),
П. М. Аркадьев (ответственный секретарь),
А. А. Зализняк, Н. Н. Казанский

И 85   Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. ст. к юбилею
Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. — 616 с.,
ил. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 978-5-9551-0438-6

Сборник статей посвящен юбилею академика Вячеслава Всеволодовича Иванова, ученого с мировым именем и широчайшим спектром интересов. Авторы — коллеги и ученики юбиляра из России, США, Франции и других стран — обсуждают в своих работах разнообразные вопросы, так или иначе затронутые в трудах Вяч. Вс. Иванова. Это — теория и история лингвистики и семиотики, сравнительно-историческое и типологическое языкознание, грамматика и лексика русского и других языков, мифология и фольклор, поэтика и история культуры. В сборник также включен перевод на английский язык фрагмента воспоминаний Вяч. Вс. Иванова о Романе Яacobсоне, выполненный М. Х. Хаймом.

ББК 81.2

*В оформлении переплета использована
фотоаграмма светлАны ивАновой*

ISBN 978-5-9551-0438-6

© Авторы, 2010
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2010

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории

<i>T. V. Gamkrelidze.</i> «Paradigms» in linguistics and the problem of the isomorphism between the Genetic Code & Semiotic Systems.....	11
<i>A. E. Кибрик.</i> Место сравнительного языкознания в кругу лингвистических дисциплин	16
<i>B. К. Финн.</i> Принципы искусственного интеллекта и феноменология сознания.....	27
<i>G. Buccellati.</i> The question of digital thought.....	46
<i>B. Г. Лысенко.</i> «Лингвистический детерминизм» Эмиля Бенвениста и случай вайшешики	56
<i>R. K. Englund.</i> The Smell of the Cage	68

Сравнительно-историческое языкознание

<i>A. Ю. Милитарев.</i> О возможности пролить свет на интеллектуальную культуру доисторического человека (на примере праафразийских терминов, связанных с музыкой, пением и танцем)	97
<i>M. Valério, I. Yakubovich.</i> Semitic word for 'iron' as an Anatolian loanword	108
<i>V. Blažek.</i> Hurrian numerals.....	117
<i>N. Operstein.</i> Two developments of Proto-Zapotec * <i>ty</i> and * <i>tty</i>	124
<i>I. Klock-Fontanille.</i> Le loup en hittite et louvite: exclusion et rassemblement.	135
<i>H. C. Melchert.</i> Hittite <i>talliyē(šš)</i> - 'be(come) calm, quiescent'	148
<i>J. Puhvel.</i> Notes on Anatolian sibling terms.....	153
<i>V. Shevoroshkin.</i> Four notes on Milyan.....	156
<i>R. Anttila.</i> Unmasking <i>Gustav</i> — once again	168
<i>L. I. Kulikov.</i> Atharvaveda-Śaunakīya 19.49.1 = Atharvaveda-Paipalāda 14.8.1: An etymological note on Vedic <i>rātrī</i> - 'night'	174
<i>J. P. Mallory.</i> Semantic field and cognate distribution in Indo-European.....	180
<i>B. Vine, O. T. Yokoyama.</i> PIE *(<i>h</i>) <i>eu</i> ₁ - <i>dh</i> - 'excrete liquid' and Russian Dialectal <i>udut</i> (3 pl.).....	191
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Рус. разгов. <i>сечь</i> 'понимать' — неологизм или архаизм?	197
<i>T. M. Николаева.</i> Русский и хеттский — через тысячелетия.....	200

Грамматика, лексика, типология

<i>Ю. Д. Апресян.</i> Принципы лексикографического описания многозначных слов	217
<i>Е. В. Падучева.</i> Метонимия как сдвиг фокуса внимания	234
<i>В. С. Храковский.</i> О зависимом/независимом статусе ситуаций	251
<i>А. А. Зализняк.</i> Ударение просодических комплексов в истории русского языка	260
<i>Л. Л. Касаткин.</i> Неопределенные местоимения и наречия с постфиксом/ суффиксом <i>-ся/-сь</i> в говорах русских старообрядцев	272
<i>М. С. Флайер.</i> Суржик или суржики?	281
<i>Р. Ф. Касаткина.</i> Ларингализация в русской фонетике — сегментный уровень	296
<i>R. M. W. Dixon.</i> Gradual loss of a gender contrast	302
<i>A. Y. Aikhenvald.</i> Typological plausibility and historical reconstruction: A puzzle from New Guinea	309
<i>W. R. Schmalstieg.</i> Some common functions of the dative, accusative, and locative cases	318
<i>П. М. Аркадьев.</i> И невозможное возможно: Типологические заметки о взаимодействии падежа с другими морфологическими категориями	325
<i>Б. Огибенин.</i> О выражении грамем в склонении имен в буддийском санскрите	337
<i>С. А. Бурлак, И. Б. Иткин.</i> <i>Yreki et autres addenda et corrigenda-2</i>	342

Культурология и семиотика

<i>J. Kordys.</i> Of gifts, sovereigns, and philosophers	361
<i>А. И. Коваль.</i> Ремесленники Слова у фульбе (Субсахарская Африка)	368
<i>С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик.</i> Невидимый и нежеланный гость	393
<i>М. В. Завьялова.</i> Мифологема гороха и боба в контексте основного мифа (на балто-славянском материале)	409
<i>Е. В. Пчелов.</i> «Лев и Единорог» в русской культуре: К вопросу о семантике символов	426
<i>М. Мейлах.</i> «Не оглядывайся!»: Где, когда и позади кого оглянулась Лотова жена?	436
<i>Т. В. Цивьян.</i> Богини изваянье	460

<i>И. А. Протопопова.</i> Метафора «воскового отпечатка» в греческой философии	477
<i>Л. Флейшман.</i> Отклики в русском Париже на «Зимнюю войну»	483

Структура текста

<i>М. Ланглебен.</i> Рассказ И. Бунина «Сны» и <i>Откровение Св. Иоанна</i>	503
<i>Г. А. Левинтон.</i> Заметки об Ив́ановых	517
<i>N. Pollak.</i> Akhmatova's two imitations of I. F. Annenskii	532
<i>R. Vroon.</i> Nets, stars and numbers: Some notes on Velimir Khlebnikov's cosmology	538
<i>А. Хан.</i> О значении образа «глухой вселенной» в контексте цикла «Заняты́е философией» Бориса Пастернака	543
<i>Д. М. Сегал.</i> Доктор Живаго — еврейский роман?	553
<i>Ф. Б. Успенский.</i> Об отдельных случаях неявной иконичности в русской литературе	562
<i>Н. В. Злыднева.</i> Экфрасис в «Путешествии в Армению» Мандельштама: проблема референции	572
<i>Е. А. Панкова.</i> Русский народный утопический идеал в творчестве Всеволода Иванова	580
<i>I. Merkoulova.</i> Les mécanismes du dialogue: Polyphonie, ponctuation, énonciation	590

* * *

Jakobson in My Life: An Excerpt from <i>The Blue Beast</i> (translated from Russian by Michael Henry Heim)	605
---	-----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

T. V. Gamkrelidze

**«PARADIGMS» IN LINGUISTICS AND THE PROBLEM
OF THE ISOMORPHISM BETWEEN
THE GENETIC CODE & SEMIOTIC SYSTEMS**

It is a special privilege to participate in this Anniversary Volume dedicated to the 80th birthday of my friend and colleague Vyacheslav V. Ivanov — an eminent scholar of our time — Linguist and Semiotician, Philologist and Culture Historian.

During many years of our joint work on the monograph on the Reconstruction of the Indo-European Proto-Language and the Proto-Indo-European Culture, we often discussed the problem of validity of the notion of «Paradigm» in science (in *Thomas Kuhn's* sense of the term) and its application to Humanities and Social Sciences.

Notwithstanding some objections to this effect on the part of serious scholars, we inclined to view the notion of '«Paradigm» as effective in application to Humanities, especially to Linguistics, enabling us to propose a reasonable historical classification of diverse directions in the Science of Language.

As a matter of fact, we may envisage the history of European (and American) Linguistics as an interchange of certain «Paradigms» existing parallelly, or replacing one another, in space and time that may be presented globally as follows:

Paradigm I:

Port-Royal Grammar (Grammaire générale et raisonnée) [Antoine Arnaud & Claude Lancelot].

Paradigm II:

Comparative Historical Linguistics (Franz Bopp; Karl Brugmann & Neogrammarians; Antoine Meillet et al.).

Paradigm III:

Japhetic Linguistics (Nicholas Marr).

Paradigm IV:

Linguistique synchronique (Ferdinand de Saussure):

Phonology & Structural Linguistics (Nicolai Trubetzkoy, Roman Jakobson);

Descriptive Linguistics (Leonard Bloomfield et al.);

Structural Typology & Universals of Language (Joseph Greenberg, Irine Milikishvili, Georgi Klimov).

Paradigm V:

Transformational Generative Grammar (Noam Chomsky).

Paradigm VI:

Nostratic Theory & Language Macrofamilies (Holger Pedersen; Vladislav Illich-Svitych, Sergey Starostin, Aaron Dolgopolsky; Allan Bomhard, Joseph Greenberg, Merrit Ruhlen).

Paradigm VII:

Typological Comparative Historical Linguistics (Roman Jakobson, Oswald Szemerényi, Winfred Lehmann, Paul Hopper, Vyacheslav Ivanov/Tomas Gamkrelidze...).

A particularly insightful «*Paradigm*» revealing the isomorphism existing between the genetic code and different semiotic systems was advanced in the second half of the 20th century; it may be called a «*Biosemiotic Paradigm*».

As is known, a great discovery was made in the 50's of the past century in molecular biology shedding light on the hereditary mechanism. Heredity was found to correspond to information recorded along the chromosomes by means of a definite type of chemical alphabet. *Four* nucleotides or «chemical radicals» serve as the initial elements of this alphabet — its «letters»; combining with each other in infinite linear sequences of nucleic acids, these elements create, as it were, a chemical text of genetic information. Similarly to a phrase constituting a segment of a definite linguistic text formed with the aid of a linear sequence of a small number of initial discrete units — letters or phonemes — an individual gene corresponds to a definite segment in a long chain of nucleic acids presenting the *four* initial chemical radicals. And similarly to the linguistic code, in which the initial units — phonemes — are per se devoid of meaning but serve for the building through definite combinations of minimal sequences expressing a definite content within the given system, precisely in the same way, in the genetic code it is not a separate element of the system, not an individual chemical radical that is informative, but special combinations of these initial *four nucleotides of three elements* each, forming so-called «triplets». Since in all $4^3 = 64$ combinations of *three* can be formed by these *four initial elements*, the genetic vocabulary comprises 64 «words», of which three triplets represent «punctuation marks», denoting in a long sequence of nucleic acids the beginning and end of a «phrase», while the rest correlate with one of the 20 amino-acids, and among such «triplets» further «synonymous words» are identifiable, i. e. several sequences that correlate with one and the same amino-acid.

The establishment of such correlations between «triplets» of the *four initial elements* and 20 amino-acids, and the conversion of a long chain of «triplets» into a protein sequence of amino-acids — into a peptide chain — is precisely the deciphering or decoding of the hereditary information contained in the genetic code, similarly to the decipherment of a Morse code message when translating it into some other language.

Obviously enough, all living beings on earth possess «knowledge» of the genetic code in the sense of being capable of correctly deciphering the genetic «words» forming the

content of the genetic information, and accordingly of synthesizing protein sequences. In this sense, the genetic code is universal, every living thing on earth possessing a key to it [Jacob 1977].

Thus, the infinite variety of living beings is reducible in the final analysis to long genetic «messages» formed according to the rules of linear combination of the elements of the genetic code, exhibiting striking features of structural similarity with the linguistic code. It is not fortuitous that from the very moment of the decipherment of the genetic code molecular genetics began to extensively borrow linguistic concepts and terminology in its further research into the mechanism of heredity¹.

However, the linguistic code underlying natural languages has a much greater number (than four) of initial units-phonemes — whose combinations constitute the minimal meaningful elements of a sound language, this being one of structural features distinguishing it from the genetic code. This creates a redundancy in a language system, permitting the correction or the reconstruction of the established sequences of initial units and correction of distortions in messages that result from «noise» under the impact of external factors. The genetic code lacks such a property; hence any permutation or elimination of individual elements in the linear sequence of nucleotides inevitably leads to a distortion of the originally recorded genetic information.

The structural isomorphism evidenced by the two different information-carrying systems — genetic and linguistic — built on the principle of a linear combination of initial discrete units, raises a phenomenological question as to the nature of these systems and to the causes of such structural isomorphism. Various points of view are being advanced.

Most characteristic in this respect was the controversy between the two famous scientists representing different fields of knowledge: The linguist *Roman Jakobson* and the biologist-geneticist *François Jacob*: Is the observed structural isomorphism between the two codes — genetic and verbal — purely external, resulting from a mere convergence induced by similar information needs, or does this isomorphism stem from the phylogenetic principle of construing the linguistic code according to the structural patterns of the genetic code; is it perhaps due to the fact that the foundations of the linguistic patterns superimposed upon molecular communication have been modelled directly upon its structural principles? The latter assumption was upheld by *Roman Jakobson*, whereas *François Jacob* assumes rather an analogous structuration of different information-carrying systems with analogous functions.

---

¹ For its part, linguistics also has cases of borrowing some concepts and terms from molecular genetics. Thus, e. g., it is suggested that, in the theory of markedness, the members of the hierarchical relation of «markedness» — called earlier «unmarked» ~ «marked» (ultimately traceable to the terminology of the Prague Linguistic School according to which the members of this binary relation were characterised as *merkmallos* ~ *merkmalhaltig*) — may now be called — in conformity with their content — as «dominant» vs. «recessive», and the «relation of markedness» be reformulated as «relation of dominance» cf. [Gamkrelidze 1979].

The Jakobsonian conception of structural isomorphism between the genetic and linguistic codes presupposes an evolutionary process of superposition of the linguistic code immediately on the genetic and copying of its structural principles, this having been effected under conditions of an unconscious possession by the living organism of knowledge on the character and structure of the latter. This fully refers to the sphere of the «unconscious» — the unconscious possession by the organism of information on the structure of its essential mechanisms. And all this was manifested not only in the phylogenetic process of shaping the language mechanism according to the model of the genetic code, but also in the various creative acts of outstanding individuals who build special information-carrying (semiotic) systems according to the model and principles of the genetic code, apparently without explicit familiarity with the structure of the latter².

In this connection it is appropriate to recall the «Theory of the glottogonic process» advanced by the outstanding linguist and philologist of his time *Nicholas Marr*, who possessed a peculiar scholarly intuition, at times leading him to logically unfounded, but quite unexpected solutions of certain phenomena in a right direction.

Thus, for example, *Nicholas Marr* reduced the historically existing diversity of languages to precisely *four* (sic!) initial elements consisting, strange as it may seem, of peculiar sound «triplets» — meaningless sequences of three sounds: *sal, ber, yon, rosh*. According to *Nicholas Marr*, any text of arbitrary length in any language of the world is, in the final analysis, the result of a phonetic transformation of only these initial *four elements* — per se signifying nothing — combined into definite linear sequences. This, in *Marr's* view, made for the unity of the glottogonic process.

Nicholas Marr's glottogonic theory has no rational basis whatsoever; it contradicts also the logic of modern theoretical linguistics and general linguistic methodology, and in this sense it is irrational and irrelevant to Linguistics proper. However, this theory — representing a peculiar structural model of language, very close to the genetic code — is not irrelevant to Science and Psychology, in general, and may serve to illustrate the occurrence in an outstanding personality of intuitive ideas on the structure of the genetic code, evidently copied by him subconsciously in developing an original model of language as an information-carrying system.

Of course, *Nicholas Marr* could not have had explicit and conscious knowledge of such a structure of the genetic information system, as neither could those ancient Chinese philosophers who, about three thousand years earlier, compiled the book *I Ching* (Chinese «*Book of Changes*»), in which they developed a special system of «transformations» of *four* binary elements formed of the «masculine principle» *yang* and the «feminine principle» *yin*, and grouped into «triplets», yielding a total of 64 triple sequences, analogous to the genetic «triplets». It is with the help of such «triplets» that the diversi-

² The very scientific penetration into the structure of the genetic code essentially amounts to the human beings becoming explicitly aware of the structure of their own genetic mechanism, to the transfer from the «unconscious» to the sphere of conscious of the knowledge on the ultimate structure of all living beings on earth, implicitly built into each living organism.

ty of the living world is described in this ancient Chinese symbolic system. In this context, especially significant seem to be also the systems with *four* elements of the world in the cosmogony of the *Ionians*, with *four* humours of the human body in *Hippocrates*, and others, supporting the idea that a strict relation is imposed by a sort of unconscious filiation between the discussed systems and the genetic code.

All these symbolic semiotic systems (in particular the ancient Chinese «*Book of Changes*» of the binary elements *yin* and *yang*, and *Nicholas Marr*'s model of language) strikingly correspond — down to quantitative parameters — to the structure of the genetic code that evidently served in the creators of these systems as an unconscious modelling substratum.

I assume that *Nicholas Marr*'s so-called «*Japhetic Theory*» is a special «*Paradigm*» that came into being on ideological grounds as a counterpart to «*Comparative Historical Paradigm*».

REFERENCES

- Gamkrelidze 1979 — *Gamkrelidze T. V.* Hierarchical relations among phonemic units as phonological universals // *Proceedings 9th Internal. Congress of Phonetic Sciences (Copenhagen) II.* 1979. P. 9—15.
- Jacob 1977 — *Jacob F.* The linguistic model in biology // *Armstrong D., Schooneveld C. H. van* (eds.). *Roman Jakobson, Echoes of his Scholarship.* Lisse, de Ridder. 1977. P. 186—192.

А. Е. Кибрик

МЕСТО СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В КРУГУ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

«Все познается в сравнении.»

Из вечных истин

0. Введение

Известно, что современная лингвистика является весьма разветвленной областью научного знания с его глубокой, почти катастрофической специализацией. Вместе с тем терминологическое и содержательное структурирование лингвистического знания продолжает происходить стихийно и осознаться обычно задним числом. Сперва возникает некоторая новая безымянная область лингвистического знания, и ей присваивается некоторое имя. Позже зачастую оказывается, что выбранное наименование является осмысленным для более широкого круга проблем, чем тот, с которым это наименование первоначально связывалось. Возникает конфликт между узусом термина и его внутренней формой, как бы предсказавшей развитие лингвистического знания, и вслед за постепенным переосмыслением структуры науки изменяется и объем отражающих эту структуру терминов.

Таким историческим казусом является термин «прикладная лингвистика». В западной традиции термин *applied linguistics* с начала прошлого века ассоциировался с методикой преподавания иностранного языка и сохранил свой объем до настоящего времени. В нашей стране этот термин вошел в обиход в середине XX в. как обозначение того бурно формировавшегося направления, которое было связано с новыми информационными технологиями на основе компьютерной техники. Однако за последние полвека термин «прикладная лингвистика» был переосмыслен в соответствии с его внутренней формой, включив в себя не только компьютерную лингвистику и методику преподавания иностранных языков, но и все необозримое разнообразие проблем, связанных с востребованными жизнью приложениями теоретического лингвистического знания, см. [Кибрик 1975/1992: 261—262; Баранов 2000]. Таким образом, прикладная лингвистика в отечественной традиции стала пониматься не как один из многих частных разделов лингвистики, а как дополнение к теоретической лингвистике в целом (ср. соответствующую специальность «теоретическая и прикладная лингвистика» в высшей школе). При этом, поскольку заранее невозможно предсказать, какие области «чистой» лингвистической теории окажутся полезны-

ми для решения прикладных задач, разделение всего пространства лингвистического знания на теоретическую и прикладную лингвистику является не статическим, а динамическим. То, что сегодня рассматривается как чистая теория, завтра оказывается необходимым инструментом для решения прикладных задач.

Не является исключением и термин «сравнительное языкознание», вынесенный в название данной статьи. О нем далее и пойдет речь.

1. Сравнительно-историческое языкознание

Компонент «сравнительный» впервые появился в лингвистике в связи с возникновением **сравнительно-исторического метода**, в англоязычной традиции известного как *comparative method*. Этот существующий уже два столетия метод характеризует весьма конкретное лингвистическое направление. В этом направлении органически сочетаются исторический и сравнительный аспекты, из которых первый связан с объектом изучения данной науки (языки в диахронической перспективе), а второй — со способом изучения этого объекта. Существенно, что сравнительно-историческое языкознание неотделимо от сравнительного метода, поскольку объектом изучения является множество языков, объединяемых родством. Наряду с этим в сравнительно-историческом языкознании используются и другие, вспомогательные методы (например, статистические).

Однако сводится ли метод сравнения языков к проблематике сравнительно-исторического языкознания? Никким образом, и развитие лингвистики в XX в. убедительно это подтвердило. К настоящему времени сформировалось несколько других лингвистических наук, для которых сравнительный метод является основополагающим.

2. Типология

Наиболее развитой и престижной областью лингвистики, немислимой без межязыкового сравнения, является **типология**. В отличие от сравнительно-исторического языкознания, типология до недавнего времени специально не занималась проблемами языкового родства и предшествующих языковых состояний конкретных языков. Объектом типологии является наблюдаемое структурное разнообразие естественных языков, не ограниченное и не объясняемое их родством, и ее главная цель — исследование языкового варьирования и естественных ограничений на языковое варьирование, предсказывающих, какие свойства могут и какие не могут быть присущи человеческим языкам, не только ныне существующим или когда-либо существовавшим, но и тем, которые могут когда бы то ни было и где бы то ни было существовать.

Обобщения относительно пределов языкового варьирования необходимым образом базируются на сравнении конкретных языков. Естественно, чем больше языков включено в процедуру сравнения, тем надежнее будет конечный результат. Результат мог бы быть исчерпывающим, если бы можно было исследовать все язы-

ки. Однако это невозможно не только ввиду огромного количества существующих ныне языков (по разным оценкам их имеется 5—7 тысяч), но и потому, что количество потенциальных человеческих языков не является конечным. Поэтому типологические обобщения всегда будут индуктивными, основываясь на ограниченной эмпирической базе. Тем не менее, выбор оптимальной эмпирической языковой базы (= выборки языков) для успешности сравнения является весьма существенным. В типологии сложилось несколько основных стратегий формирования языковой выборки.

Наиболее признанным в настоящее время является метод взвешенной представительной выборки, претендующей на статистическую достоверность. Этот метод стремится уменьшить воздействие генетических и ареальных факторов на результат исследования. Поэтому языки отбираются так, чтобы в выборке были равномерно представлены языки разных семей и разных географических ареалов. К такой выборке стремятся в своих исследованиях Дж. Николс и М. Драйер. Чаще, однако, требование взвешенности не соблюдается. Естественно, что в обоих случаях эмпирической базой при этом методе являются языковые описания, выполненные различными исследователями, то есть это *метод вторичных языковых данных*. Современные исследования, основанные на таком методе, имеют выборку от полусотни до нескольких сотен языков, см. [Архипов 2009 (используются данные около 80 языков); Филимонова 1999 (выборка из 154 языков); Майсак 2005 (выборка включает порядка 400 языков); Stassen 2009 (в выборке 418 языков)]. Рекордное количество языков имеется в [Dryer 2008], где выборка составляет 1228 языков.

У такого метода имеются существенные внешние ограничения. Большие выборки предполагают наличие однотипных языковых описаний, содержащих нужную языковую информацию. Поэтому таким способом можно исследовать только достаточно элементарные языковые параметры, которые эксплицитно отражены во многих грамматических описаниях или могут быть из них извлечены. Однако далеко не всегда возможно получить нужную информацию в готовом виде. Поэтому достаточно распространено типологическое сравнение языков методом целенаправленного сбора эмпирических данных в непосредственной работе с носителями языка, то есть *методом первичных языковых данных*. В этом случае выборка включает такое количество языков, данные по которым могут быть полноценно собраны и обработаны одним исследователем. Обычно в таких исследованиях подвергается сравнению не более пяти-десяти языков, см. [Андрей Кибрик 1988] (пять языков). К отбору языков при такой методике также предъявляются особые требования: эти языки должны демонстрировать максимальное разнообразие реализации исследуемого языкового параметра. Это должны быть языки, генетически и пространственно максимально удаленные друг от друга, и притом такие, чтобы всю необходимую исследователю информацию можно было получить непосредственно от носителей языка, используя активный метод интервьюирования по единой стандартной программе. Преимущество данного метода состоит в том, что вся

исходная информация собирается исследователем единообразно, и он лично контролирует ее качество, адекватность и релевантность, в отличие от метода вторичных языковых данных, использующих языковой материал из вторых рук, что неизбежно создает повышенные интерпретационные шумы, когда фактически разные явления трактуются как идентичные, а идентичные как различные. Кроме того, метод первичных языковых данных позволяет достичь максимального уровня полноты материала и глубины интерпретации.

Иногда эти два метода совмещаются: для некоторых опорных языков используется метод первичных языковых данных, а остальные добываются по методу вторичных языковых данных, что позволяет расширить круг вовлекаемых в сравнение языков. На таком принципе строится исследование [Andrej Kibrik (in press)], в котором рассматривается 200 языков, из них 10 изучены лично автором. См. также [Калинина 2001; Лютикова 2002; Татевосов 2002].

Существует также и другая компромиссная стратегия — *метод группового типологического исследования*, объединяющего специалистов по всем языкам, включенным в выборку. Этим обеспечивается эмпирическая качественность данных и возможность получить такие данные, которые в грамматических описаниях отсутствуют. Первоначально разрабатывается априорная классификация возможных значений изучаемого параметра и создается проект единой достаточно подробной программы и единая анкета, теоретически предусматривающая пространство типологических возможностей варьирования изучаемого параметра. Далее сбор языкового материала осуществляется не по имеющимся описаниям, а специалистами по включенным в выборку языкам. Как и при всяком групповом исследовании, большое значение имеет координация действий членов коллектива. Такая стратегия типологического исследования была разработана и многократно успешно применена ленинградской типологической школой (см. [Холодович (ред.) 1974; Недялков (ред.) 1983; Храковский (ред.) 1998]; Nedjalkov (ed.) 2007).

Все описанные выше стратегии ориентированы на преодоление генетических и ареальных факторов с целью установления опорных точек в пространстве языкового варьирования. Но часто остается неясным, как эти точки связаны между собой и какова непрерывная структура этого пространства. Случайно выбранные языки из разных языковых семей и географических ареалов не дают возможности это уяснить. Поэтому наряду с *экстрагенетической* типологией имеет право на существование и *интрагенетическая* типология. Известно, что генетически и пространственно близкие языки также бесконечно варьируют по многим языковым параметрам, и исследование небольших различий между языками наиболее продуктивно в пределах одной языковой семьи. В этом случае, когда огрубленные контуры пространства типологических возможностей выявлены, типология родственных языков помогает заполнить белые пятна в этом пространстве, см. [Казенин 1997; Кибрик 2003: Часть 6].

Типологические исследования последних десятилетий способствуют укоренению типологического менталитета и в описательной лингвистике, с позиций которо-

го каждый язык должен рассматриваться не сам по себе, а в контексте современных знаний о пределах языкового варьирования. Это позволяет различить в языке типологически «тривиальные» и «уникальные» характеристики, уделяя последним особое внимание. Появляются типологически ориентированные грамматические описания, в которых также имплицитно присутствует компонент языкового сравнения: описываемый язык рассматривается в сравнении с имеющейся типологической информацией о языковом разнообразии, и каждое явление описываемого языка помещается в некоторую релевантную зону пространства типологических возможностей (см. [Коваль, Нялибули 1997; Кибрик (ред.) 1999]).

3. *Контрастивная лингвистика*

Наряду с типологией межъязыковое сравнение лежит в основе **контрастивной лингвистики**, не претендующей на глобальные обобщения о природе естественного языка, но исследующей сходства и различия (обычно пары) конкретных сопоставляемых языков. Такое сопоставление в миниатюре воспроизводит эмпирическую стадию типологических наблюдений, хотя выбор языков для контрастивного изучения, как правило, предопределяется не типологическими достоинствами этих языков, а внешними факторами. Во многих случаях это те языки, которыми владеет исследователь. Результаты контрастивного изучения языков имеют практическую ценность, прежде всего, для совершенствования методик обучения иностранному языку, когда один из языков является родным для обучающегося: в фокусе внимания при обучении языку должны находиться отличия языка обучения от родного языка обучающегося, в то время как идентичные свойства усваиваются им по образцу родного языка.

В области контрастивной лингвистики накоплено большое количество локальных обобщений для пар языков, которые, к сожалению, обычно не попадают в поле внимания типологов, хотя, справедливости ради, следует отметить, что имеются образцы контрастивных исследований, достигающих уровня типологических обобщений, например, [Гак 1977]. Вообще же практика контрастивных исследований показывает, что сравнение даже пары случайно подобранных языков дает мощный импульс для более глубокого понимания устройства каждого из них. Наложение свойств одного языка на сопоставимые свойства другого обнаруживает в них зоны тождеств и различий.

Если языки являются родственными, *тождества* могут быть следствием сохранения в них генетической общности, и в таком случае они фактически реализуют свойства одного и того же языка (общего предка). Тождество может также быть следствием пространственной смежности языков и связанных с этим межъязыковых контактов. Если же языки генетически и пространственно не связаны между собой, тождественные свойства являются важным аргументом в пользу реальности обнаруженной точки в пространстве типологических возможностей языкового варьирования и, более того, они свидетельствуют о существовании некоторых глубинных при-